

DOI: 10.24412/2470-1262-2025-1-13-24

УДК (UDC) 81'23

*Igor V. Pustovoit,
Hofstra University, New York, USA
Пустовойт Игорь Владимирович,
Университет Хофстра, Нью Йорк, США*

*For citation: Pustovoit, Igor V., (2025).
The crisis in Foreign Language Study in American Colleges:
Causes and Lessons.
Cross-Cultural Studies: Education and Scienc,
Vol.10, Issue I (2025), pp. 13-24 (in USA)*

Manuscript received: 20/02/2025

Accepted for publication: 25/03/2025

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

THE CRISIS IN FOREIGN LANGUAGE STUDY IN AMERICAN COLLEGES: CAUSES AND LESSONS

КРИЗИС В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В АМЕРИКАНСКИХ ВУЗАХ: ПРИЧИНЫ И УРОКИ

Abstract:

The information revolution has transformed the education system, turning skepticism towards digital technologies into their widespread acceptance and integration into the learning process. In addition to technical innovations, macroeconomic factors significantly influence the education system in the United States, including the rising cost of tuition, the erosion of the middle class, as well as rapidly growing labor automation, which reduces the accessibility of higher education and transforms the labor market. Geopolitical processes directly affect the quality and accessibility of higher education in the U.S., which is also facing rising costs and inequality in access, further exacerbating societal stratification: prestigious universities remain in demand, while accessible colleges lose ground, and students are forced to take on significant loans, hoping for a return on investment in their degree.

The rapid development of AI and automation has increased the demand for IT professionals, but universities fail to keep up with the demand. At the same time the humanities are undergoing a crisis, even though their role in the development of critical thinking and "soft skills" remains crucial for careers and self-fulfillment. The study of foreign languages in the U.S. is traditionally lower than European educational priorities, and the total number of students studying languages continues to drop, leading to cuts in educational programs.

Despite the decline in the total number of American students studying foreign languages, interest in strategically important languages gives some hope, but the university administrators are striving to optimize and consolidate programs, which further limits the availability of foreign language courses. Artificial intelligence and digital platforms are becoming a compromise solution, offering an individualized approach and convenience, while

yielding to traditional education in depth and cultural context. The future probably belongs to hybrid learning models that combine commercial digital technologies and academic environments.

Keywords: humanities education, social stratification, artificial intelligence (AI), hybrid learning, strategic languages, decolonization

Аннотация:

Информационная революция изменила систему образования, обратив скептицизм по отношению к цифровым технологиям в их повсеместное принятие и интеграцию в учебный процесс. Помимо технических инноваций, на систему образования в США существенно влияют макроэкономические факторы, включая рост стоимости обучения, размывание среднего класса, а также автоматизация труда, что приводит к снижению доступности высшего образования и переформатированию рынка занятости. Геополитические процессы напрямую затрагивают качество и доступность высшего образования в США, которое к тому же сталкивается с ростом стоимости и неравенством доступа, что только усугубляет стратификацию общества: престижные вузы остаются востребованными, тогда как доступные колледжи теряют позиции, а студенты вынуждены брать значительные кредиты, надеясь на окупаемость диплома.

Бурное развитие ИИ и автоматизации усилило спрос на IT-специалистов, заметно опережая адаптацию вузов к новым требованиям. В то же время гуманитарные дисциплины переживают кризис, хотя их роль в развитии критического мышления и «гибких навыков» остается существенной для карьеры и самореализации. Изучение иностранных языков в США традиционно уступало приоритетам Европы, и общее число студентов, изучающих языки, продолжает снижаться, что приводит к сокращению образовательных программ.

Несмотря на снижение общего числа американских студентов, изучающих иностранные языки, интерес к стратегически важным языкам дает определенные надежды, однако вузовские администраторы стремятся к оптимизации и консолидации программ, что еще больше ограничивает доступность курсов по иностранным языкам. Искусственный интеллект и цифровые платформы становятся компромиссным решением, предлагая индивидуализированный подход и удобство, но при этом уступая традиционному образованию в глубине и культурном контексте. Будущее, вероятно, за гибридными моделями обучения, сочетающими коммерческие цифровые технологии и академическую среду.

Ключевые слова: гуманитарное образование, социальная стратификация, искусственный интеллект (ИИ), гибридное обучение, стратегические языки, деколонизация

1. Введение: информационная революция

Информационная революция внесла тектонические изменения в американскую систему образования, и разговор о кризисе в изучении иностранных языков в американских вузах следует начинать с глубоких и фундаментальных изменений, приведших к пересмотру принципов образования, до сих пор считавшихся незыблемыми.

Среди доминирующих тенденций последних десятилетий в первую очередь следует назвать ускорение доступа к информации и большую гибкость в ее применении. Двадцать лет назад преподаватели скептически относились к появившейся в 2001 году свободной онлайн энциклопедии Википедия, не признавая ее достоверным источником в сфере академических исследований. К 2005 году по аккуратности предоставляемых данных Википедию уже сравнивали с Британской энциклопедией, а через пять лет использование Википедии как отправной точки в академических

исследованиях стало общим местом. То, что казалось слабостью, стало достоинством: общедоступность превратилась в коллективное редактирование, и авторитетные в той или иной области специалисты больше не считали зазорным курировать содержание соответствующих статей, что заметно снизило влияние мнений неспециалистов. Особенно заметно это на фоне хаоса в сфере медиа, когда любое мнение приобретает весомость только потому, что оно высказано с экрана. К 2020 году Википедия была полностью интегрирована в учебные планы вузов, и цифровая грамотность стала ключевым компонентом высшего образования.

Примерно в это же время началось широкое обсуждение принципов Искусственного Интеллекта (ИИ), до тех пор считавшимся экзотикой, доступной лишь узкому кругу специалистов. Первоначальный скептицизм в педагогической среде был вызван бытующим мнением, что ИИ слишком технологичен, плохо поддается масштабированию, и в нем отсутствует человеческий фактор, столь существенный в образовательном процессе. Поворотной точкой можно считать опубликованный в 2018 году доклад Организации Экономической Кооперации и Развития (ОЭСР) «Будущее образования и навыков: Образование в 2020» [1]. Доклад подчеркивает преобразующий потенциал ИИ в образовании, способствующий адаптивному обучению, контролю прогресса студентов и персонификации обучения.

Если всего лишь пару лет назад преподаватели и администрация нашего университета обсуждали, как обуздать использование студентами ChatGPT и других генеративных моделей, то в прошлом семестре администрация уже требовала от каждого преподавателя выставить оценку за владение навыками использования ИИ каждому отдельно взятому студенту, вне зависимости от конкретной дисциплины и специальности. Таким образом, траектория интеграции ИИ в образовательный процесс очень сходна с тем, как Википедия прошла путь от первоначального скептицизма к повсеместному принятию в академической и образовательной среде. В обоих случаях фокус внимания к настоящему времени переключился на этически оправданное, ответственное и эффективное использование достижений технического прогресса в образовательном процессе.

2. Макроэкономические факторы

Технические инновации – лишь один из факторов, постепенно меняющих ландшафт системы образования в США. Макроэкономические тренды США напрямую влияют на функционирование вузов, которые так или иначе являются коммерческими предприятиями, даже если финансируются из федерального бюджета, бюджета отдельного штата, или местной администрацией. Рост операционных расходов колледжей (зарплаты преподавательского состава, содержание кампуса, внедрение современных технологий) зачастую превосходят инфляцию. Администрация вынуждена перекладывать это на плечи студентов. Растущая стоимость обучения снижает привлекательность диплома и делает высшее образование менее доступным не только для малоимущих, но и для среднего класса.

К концу XX века стало очевидно, что пропасть между богатыми и бедными в США приобрела угрожающий характер. Причины многие видят в экономической политике времен Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, сторонников неолиберализма и экономики *laissez-faire*. На это наложился эффект глобализации, аутсорсинга рабочих мест, и использования офшоров, что в свою очередь привело к размыванию среднего класса и потере значительного числа рабочих мест, в особенности так называемых низкоквалифицированных некогнитивных должностей, которые не требуют длительной подготовки. Кроме того, настоящий крах рутинных должностей напрямую связан с внедрением технологий автоматического распознавания речи, сделавших компьютерно-опосредованную коммуникацию повсеместной. В бытовом плане, 10-15 лет назад любому американцу было заметно, как при телефонном обслуживании

клиентов все чаще можно слышать сильный иностранный акцент, нередко вызывавший раздражение у клиентов. С одной стороны, число подобных должностей неуклонно сокращалось, что вынуждало американцев искать другие сферы применения, а их места занимали недавние эмигранты, готовые на любую работу. Одновременно происходила формализация общения [2], при которой ограничивался выбор языковых средств, увеличивалась роль пошагового решения задач, и возрастала роль четкости формулировок. Так сочетание экономических и технологических факторов сыграло свою роль, а американцы, потеряв миллионы рабочих мест, постепенно перешли к компьютерно-опосредованному общению.

3. Последствия пандемии

Общим местом стало упоминание роли пандемии COVID-19, вызвавшей глобальный экономический шок, и оказавшей огромное влияние на рынок труда, на потребительский рынок, и, конечно же, на систему высшего образования, где в 2019 доминировали апокалиптические настроения. Однако, взглянув на проблему шире, становится очевидным, что не последнюю роль здесь сыграли демографические факторы. Неуклонное снижение рождаемости в США наблюдалось с 1950-х годов. Ситуация стала улучшаться в начале 2000-х, но Великая рецессия 2007-09 года обрушила все надежды.

По данным Национального студенческого информационно-исследовательского центра [3], число студентов в американских вузах неуклонно падало с 2012, за исключением 2022 и 2024, когда наблюдался рост в 2% и 4%, но при этом количество новых студентов все равно упало на 3.6% и 5% соответственно. Таким образом, возвращение в вузы студентов, сделавших перерыв на время пандемии, имело лишь краткосрочный эффект, и в целом мы имеем дело с неуклонной тенденцией, а пандемия лишь усугубила ситуацию: в 2020 году общее число студентов снизилось на 4.7%, а аспирантов – на 1.7%. Этот период стал самым значительным падением в наборе студентов в вузы за последние 50 лет.

По прогнозам Принстонского Обзора и Вашингтонского Фонда Сбережений на Колледж [4], ухудшившаяся экономическая ситуация должна была заставить молодых людей идти в государственные или двухгодичные общинные колледжи вместо частных, где образование стоит значительно дороже. Однако, частные вузы потеряли лишь 2.5%, в то время, как государственные университеты – 4.6%, а общественные колледжи, финансируемые из местного бюджета, до 10%. Логичным объяснением может служить то, что выходцы из менее обеспеченных семей вынуждены были отложить планы на образование и идти зарабатывать деньги. Многие студенты, не имеющие семейного опыта в высшем образовании, столкнулись с большими экономическими трудностями и увеличением обязанностей по уходу за семьей. Отток студентов, представляющих меньшинства, был намного значительней, чем белых. Переход на дистанционное обучение только подчеркнул неравенство в доступе к современным технологиям, когда малоимущие семьи не могли позволить себе необходимое техническое обеспечение.

С другой стороны, в этот период нередко наблюдалось неоправданное сокращение учебных программ и специальностей, не подкрепленное конкретными экономическими расчетами. Под эгидой экономии администрации сокращали, а то и вовсе ликвидировали в первую очередь гуманитарные и социально-научные программы, а также программы в сфере искусства и культуры. На фоне зачастую лишь предполагаемых финансовых трудностей устранялись программы в области музыки, театра, кино, и конечно же, иностранных языков. Широкий резонанс вызвало радикальное решение Университета Западной Виргинии в 2023 году полностью закрыть все программы по изучению иностранных языков [5]. Несмотря на многочисленные протесты и петиции по всей стране, администрация так не изменила

своего решения. В качестве компромисса было предложено сделать языки частью более широких курсов по культуре, литературе и международным отношениям. Кроме того, многие вузы оформляют партнерские отношения и предлагают конкретный иностранный язык в формате онлайн для студентов всех университетов и колледжей, участвующих в программе.

4. Роль иностранных студентов

Следует также упомянуть резкое сокращение числа иностранных студентов в американских вузах. Хотя пандемия сыграла здесь ключевую роль, тенденция к сокращению стала намечаться еще с 2016 года. Тем не менее, благодаря определенному географическому перераспределению, к 2019 году количество иностранных студентов в США достигло рекорда, составив 1.1 миллион, или 5.5% от общего числа студентов вузов. Основными поставщиками были традиционно были Китай, Индия, Южная Корея и Саудовская Аравия, но Китай и Индия ввели жесткие карантинные меры, а онлайн обучение не усаивало многих, поскольку устраняло проживание в стране как наиболее привлекательную часть студенческого опыта. Кроме того, переход на онлайн обучение вызывало трудности в получении студенческой визы F-1. В 2020-ом году Институт международного образования (IIE) сообщил о снижении общего числа иностранных студентов на 16%. Через год их число выросло на 4%, а в 2022 - еще на 12%, что позволяет говорить о восстановлении прежней привлекательности обучения в американских вузах [6]. При этом США всегда ощущали конкуренцию со стороны таких стран, как Канада, Великобритания, Австралия и Германия. Китай и Индия остаются крупнейшими поставщиками иностранных студентов, хотя их доля продолжает снижаться. Также на положение дел влияет нестабильная геополитическая ситуация. Война, развязанная Россией против Украины, усложнила жизнь не только для российских студентов, но и украинских, несмотря на общую поддержку со стороны американского правительства и общества в целом. Для украинских студентов, помимо визовых проблем и финансовых трудностей, характерна особая психологическая нагрузка, а для многих и посттравматический стресс. А российским студентам приходится сталкиваться с общей атмосферой токсичности во всем, что связано с Российской Федерацией и ее нынешним руководством.

Как преподаватель я регулярно сталкиваюсь с тем, что иностранные студенты, преимущественно из Индии и Китая, записываются на курс лишь для того, чтобы получить визовую поддержку, а добившись желаемого полностью игнорируют и не посещают занятия, даже не беспокоясь о неудовлетворительной оценке. Однако в отношении российских студентов, помимо традиционных визовых махинаций, наблюдается общая атмосфера подозрительности, поскольку широкую огласку получили случаи, когда россияне, оказавшиеся в США под видом студентов, занимались на самом деле шпионажем и подрывной деятельностью.

Так, раскрытая в 2010 году программа «Нелегалы» выявила сеть российских «спящих» агентов, действовавших под глубоким прикрытием. Некоторые из них поступили в американские университеты, чтобы создать легитимность и интегрироваться в общество, а основной задачей был сбор разведанных о политике США. Десять человек, связанных с этой программой, были арестованы, а затем обменены на лиц, отбывающих срок в России.

Мария Бутина в 2018 поступила в аспирантуру Американского университета в Вашингтоне, где изучала международные отношения, но при этом старалась проникнуть в политические организации, в том числе в Национальную стрелковую ассоциацию (NRA), чтобы влиять на политику США и собирать разведанные. Вскоре она была арестована и приговорена к 18 месяцам тюремного заключения.

Сергей Черкасов, выдавая себя за бразильского студента Виктора Мюллера Феррейра, поступил в Школу передовых международных исследований (SAIS)

Университета Джонса Хопкинса в Вашингтоне. В 2022 году он был арестован и идентифицирован как оперативник российской разведки.

5. Американский изоляционизм

Все эти скандалы вызвали бурную реакцию в обществе, и жанр триллера о русских шпионах обрел второе дыхание. Наиболее заметными стали телесериал «Американцы» (2013-18) и фильм «Красный воробей» (2018). Вдобавок, широкое освещение получили случаи кибератак и внешнего вмешательства в политические процессы США, включая выборы. Это послужило триггером для новой волны американского изоляционизма, чем не преминули воспользоваться как политики популистского толка, так и медиа, ориентированные прежде всего на рейтинги.

Изоляционизм в США имеет долгую историю. Доктрина Монро (1823), подразумевавшая невмешательство США в дела других стран, отказ от участия в Лиге Наций после Первой мировой войны, разочарование от войн во Вьетнаме, Ираке, и Афганистане, а в последние десятилетия - от глобализации и кризиса на южной границе, вызванного большим потоком мигрантов и беженцев. Во многом этот поток мигрантов переключил внимание общественности на внешние факторы с внутренних изменений на рынке труда, вызванных информационной революцией, развитием автоматизации и ИИ, и переходом к так называемой экономике знаний, делающей ставку на квалифицированных работников в сфере технологий и услуг, что часто требует образования и подготовки, которые недоступны многим в краткосрочной перспективе. Таким образом, иммигранты становятся козлом отпущения в обществе, хотя в большинстве случаев они берутся за те работы, которые сами американцы считают непривлекательными.

6. Рост стоимости обучения

Университеты и колледжи не всегда поспевают за требованиями рынка, но было бы ошибкой считать последние единственным критерием значимости высшего образования. В американских вузах отчетливо проявляется гуманитарная миссия, когда приоритет отдается развитию всесторонней личности, обладающей критическим мышлением, навыками коммуникации и качествами лидера. Студенты нередко меняют свою специализацию, ищут себя новых областях. Но это во многом выглядит как привилегия детей из обеспеченных семей: не всякий родитель станет терпеть такие зигзаги с непредсказуемым результатом при ошеломляющей стоимости вузовского обучения.

За последние 20 лет стоимость обучения только в государственных университетах выросла на 175%, а в изначально более дорогих частных университетах - на 116%, что примерно на 61% опережает инфляцию. Согласно данным Совета по делам колледжей [7], средняя годовая стоимость обучения и проживания в государственных университетах для резидентов конкретного штата составляет \$23.250, а для тех, кто приехал из других штатов \$40.550. Для частных университетов это уже \$53.430. Однако подобные среднестатистические выкладки во многом напоминают отчет о средней температуре по больнице. Как отец второкурсника частного университета в штате Нью-Йорк, я каждый семестр получаю счет за обучение примерно на \$28.000, плюс \$1000 в месяц за общежитие, плюс \$2500 в семестр за питание на кампусе и 1000 за пользование технологиями, спортивным комплексом и поликлиникой. И, как каждый отец студента, я помню, что Барак Обама смог выплатить свой студенческий долг лишь к тому времени, когда уже был действующим президентом США.

Общий студенческий долг в США составляет около 1.75 триллиона долларов, в среднем \$29.000 для бакалавров, а для окончивших магистратуру или докторантуру - \$70.000-\$100.000. Администрация президента Байдена продвигала план,

предусматривающий списание до \$20.000 для определенных категорий бывших студентов, но это предложение не было всеобъемлющим, что вызвало негативный общественный резонанс, и до претворения в жизнь дело так и не дошло. Разнообразные гранты и льготы для малоимущих лишь ненамного облегчают финансовое бремя высшего образования.

Таким образом, можно сделать два вывода. Во-первых, массовый отток студентов особенно во время пандемии, был вынужденной мерой, что не означает падение роли и престижа высшего образования в целом. Во-вторых, в большей степени пострадали именно доступные колледжи, в то время как престижные вузы отмечали стабильный или даже растущий интерес со стороны абитуриентов, убежденных, что престижный диплом гарантирует преимущество на рынке труда. Государственные и местные колледжи воспринимаются большинством абитуриентов как имеющие меньше ресурсов, менее развитые социальные сети выпускников, и низкую, по сравнению с элитными учреждениями, «отдачу от инвестиций» (ROI). Кроме того, над ними постоянно висит угроза сокращения государственного финансирования. Таким образом, стратификация учебных заведений отражает усиливающуюся стратификацию общества в целом, и качественные абитуриенты готовы идти на большие финансовые риски, чтобы успеть вскочить на уходящий поезд для богатых.

7. Вузы и требования рынка

Как уже было указано, современный рынок труда претерпевает значительные изменения из-за развития автоматизации и ИИ. Это значит, что каждый год растет потребность в IT-специалистах, таких как разработчики программного обеспечения, специалисты по обслуживанию баз данных, включая анализ больших данных, специалистах по блокчейн-технологиям, а также по кибербезопасности. В целом это напоминает взлет престижа программирования и формирование целой субкультуры программистов в 1990-е годы. Далеко не все из тех, кто выбрал эту профессию 30 лет назад, смогли удержаться на плаву, в первую очередь из-за постоянных изменений в языках программирования, платформах, операционных системах и интернет-технологиях, требующих от разработчиков постоянной адаптации. Те, кто преуспел в эпоху доткомов, создали множество стартапов, и стали основателями технологических компаний. Остальные сменили профессию. Сходным образом, сегодня наблюдается бум стартапов, прежде всего в сфере децентрализованных Web3-проектов, предлагающих прямое взаимодействие пользователей без посредников, а также в сфере финансовых технологий для автоматизации и улучшения финансовых услуг, таких как мобильные платежи, онлайн банкинг, инвестиционные платформы и децентрализованные финансы. Именно в этих ключевых областях вузовское образование не поспевает за требованиями рынка. Если программисты 90-х вынуждены были осваивать новые достижения самостоятельно, и общая атмосфера была во многом анархичной, сейчас IT-рынок стал более структурированным, но роль самообразования не снизилась: вузам все труднее конкурировать со стажировками, онлайн-курсами и буткемпами (англ. *bootcamp* - интенсивная программа по освоению конкретных IT-навыков). Оставив в стороне стоимость обучения, колледжи в целом ориентированы на классический IT, а новые технологии воспринимаются как рискованные, поскольку характеризуются волатильностью и регуляторными проблемами. Профессора не имеют опыта в новых достижениях, а компании все меньше требуют дипломы: важнее портфолио, сертификаты и опыт работы в проектах. При этом свежие разработки можно освоить за счет онлайн курсов, таких как Udemy, Coursera, freeCodeCamp, или просто через видео на Youtube.

На данном этапе складывается впечатление, что в извечном споре физиков и лириков последние окончательно потеряли голос. Гуманитарные дисциплины переживают глубокий кризис, и администрация вузов зачастую сама загоняет себя в

угол: пытаюсь поспеть за более динамичными моделями обучения за счет снижения доли общеобразовательных дисциплин, колледжи теряют в качестве образования, и все равно не поспевают за рынком. Мне лично довелось услышать от проректора предложение выучить еще какой-нибудь иностранный язык в дополнение к русскому и украинскому, чтобы помочь кафедре выжить. Для администрации освоение иностранного языка сродни новому языку программирования, а наличие электронного переводчика в смартфоне вообще устраняет необходимость изучать другой язык. По аналогии, наличие калькулятора должно позволить убрать математику из учебных программ.

Однако, далеко не все администраторы, даже отдавая предпочтение более практичным и прибыльным STEM-направлениям (англ. *science, technology, engineering, mathematics*), стараются делать это не за счет гуманитарных наук, развивающих широкий взгляд на мир, этику, критическое мышление и коммуникацию. Кроме того, такие престижные и высокооплачиваемые профессии, как юристы и врачи, требуют более длительной и тщательной подготовки, которую не заменишь краткосрочным курсом, поэтому даже в IT-среде все чаще поднимается вопрос о необходимости развития «гибких навыков» (англ. *soft skills*) для решения сложных социальных и этических задач. Технические специалисты, которые не развили вовремя навыки письменной речи, публичных выступлений, или этического анализа, сталкиваются с трудностями при переходе на управленческие и междисциплинарные роли. Здесь опять сказывается социальная стратификация: человек, который может потратить годы на разностороннее образование, находится в более привилегированном положении, чем тот, кто пытается сэкономить на образовании и ориентирован исключительно на получение работы, что оставляет мало времени на самореализацию и интеллектуальные поиски.

8. Место иностранных языков в гуманитарном образовании

Иностранные языки – лишь одна из составляющих гуманитарного образования, но она являлась константой с момента возникновения первых европейских университетов. При этом приходится признать, что в США языковое образование никогда не входило в число приоритетов. Особенно наглядно это проявляется при сравнении США и Европы. Согласно исследованию Исследовательского центра Пью [8], только 20% американских школьников проходят курс иностранного языка в начальных классах, в то время как это является обязательным для 92% европейских школьников. Такая диспропорция сохраняется на протяжении всего образования. Было бы неверно списывать такое отставание на культурное разнообразие Европы по сравнению с Америкой: в Манхеттене в течение получаса можно побывать в украинской деревне в Ист Виллидж, затем в Маленькой Италии, и наконец, в Китайском городе. С одной стороны, возможность прямого контакта с другими культурами, особенно в условиях мегаполиса, стимулирует изучение иностранных языков, с другой – снижает мотивацию, особенно если речь идет не об общем развитии индивидуума, а о профессиональном применении знаний. Здесь сказывается и американский изоляционизм, и практичность, и роль английского как доминирующего глобального языка, и поверхностное отношение к двуязычию, поддерживаемое медиа и популярной культурой. К примеру, каждый в США знает пару фраз на испанском из песен или фильмов, но это ни в коей мере не означает, что многие действительно стремятся овладеть испанским языком. К тому же, даже потратив годы на изучение иностранного языка, очень трудно конкурировать с теми, кто освоил его в двуязычной семье, а для страны, где почти 14% населения были рождены в других странах, такие случаи - не редкость.

С другой стороны, по данным Ассоциации иностранных языков (MLA), в последнее десятилетие наблюдался резкий скачок в изучении корейского и японского,

составивший примерно 200%. Это связано прежде всего с популярностью корейских музыкальных групп и телевизионных драм (K-pop, K-drama), а также японских манга, аниме и видеоигр. Будучи несомненно связанными с конкретными азиатскими культурами, все эти развлекательные жанры представляют стилизованную версию конкретной экзотической культуры и не дают всестороннего понимания ее истории, политики, и социальных процессов. И тем не менее, эти развлекательные форматы открывают портал к более глубокому и систематическому изучению языка и культуры, несмотря на всю сложность корейского и японского языков, имеющих, согласно шкале Госдепа США, высший IV рейтинг трудности для англофонов [9].

В целом же, по данным MLA, число студентов, изучающих иностранные языки в американских вузах, упало на 16.6% в период с 2016 по 2021. И опять налицо социальная стратификация: наиболее доступные двухгодичные общественные колледжи потеряли до 44%, государственные колледжи и университеты – 24.8%, а частные – 7.8% [10]. Тут срабатывает эффект домино: уменьшение числа студентов ведет к закрытию классов, оттоку преподавательского состава, и в результате, к перманентной потере языковых программ. Если в частном университете минимальное число студентов в классе составляет 8 человек, и слегка подкорректировав плату преподавателю можно сохранить класс даже с меньшим числом учащихся, то в государственных вузах минимум составляет 15-25 студентов, и корректировкой никто не будет заниматься.

По данным авторитетной американской организации MLA (Modern Language Association, Ассоциация Современных Языков), испанский неизменно лидирует среди иностранных языков, изучаемых в вузах. По данным 2021 года его выбрали 49.4% от общего числа студентов. Английский как иностранный в расчет не принимался. Далее идут французский (11.4%), американский язык жестов (9.1%), японский (5.6%), немецкий (4.5) и китайский (3.9%). Русский с 1.5% находится позади таких языков, как итальянский, арабский и корейский [11]. Интересно, что в 1974 году пять из пяти самых изучаемых языков были европейскими, а в 2021 - лишь три. Также следует упомянуть, что изучение библейского иврита осуществляется преимущественно кафедрами религиоведения, а не современных языков. Для сравнения, изучение арабского языка осуществляется на основе современного стандартного арабского, который отличается как от языка Корана, так и национальных вариантов арабского, и преподаватели нанимаются кафедрой иностранных языков, а не религии. Интересно, что библейский иврит не только не утратил позиции за последние годы, но напротив, набрал на 9.1% больше студентов.

9. Русский язык: центробежные и центростремительные тенденции

Хотя список основных причин, побудивших студентов к изучению того или иного иностранного языка, во много схож для каждого конкретного языка, иерархия мотиваций может существенно отличаться. Как уже было сказано, поп-культура стала решающим мотиватором для японского и корейского. Для китайского, арабского и русского это прежде всего геополитический интерес и практические причины: госдеп США включил эти языки в число так называемых критических языков и предлагает государственные стипендии для их изучения [12]. Интересно, что японский и корейский также входят в данный список критических языков, но развлекательная миссия поп-культуры остается более сильным мотиватором, чем карьерные возможности. Для французского на первом месте общий престиж культуры, для испанского – практическое применение, учитывая огромное количество испаноязычных американцев, а для немецкого - семейная история, поскольку исторически немцы являются одной из крупнейших этнических групп в США, примерно 13-14% населения США в настоящий момент заявляют о немецких корнях.

Обсуждение роли и места так называемых *эритажников* (heritage learners) остается в центре внимания преподавателей иностранных языков не первое десятилетие, но при всей значимости тех, кто изучает семейное наследие, следует также упомянуть о причинах и мотивациях, не лежащих на поверхности. К примеру, португальский язык предлагает лишь небольшое количество вузов, поэтому выходцы из семей, где говорят по-португальски, скорее всего в колледже будут изучать испанский. Несмотря на огромное число билингвов с родным английским и домашним польским, польский язык намного менее распространен в американских колледжах, и студенты из польских семей выбирают русский как родственный язык.

Однако, в последнее время все более заметны центробежные тенденции, ведущие к потере позиций русского за счет других славянских языков. К примеру, Йельский университет за последние годы потерял 40% от общего числа изучающих русский язык, в то время как польский и украинский отметили существенный приток студентов [13]. Университет Беркли в Калифорнии впервые в своей истории предложил украинский, и первый набор студентов составил треть от давно устоявшейся русской программы. В целом по стране с начала войны наблюдался 78% рост числа студентов, изучающих украинский, и это при общем уменьшении числа студентов, изучающих иностранные языки. Шесть колледжей объявили об открытии новых программ по украинскому. Большинство из студентов, выбравших украинский, объясняют свое решение желанием тем или иным способом помочь Украине, а 15% студентов указали, что их спонсорами стали специальные программы, связанные с обороной и безопасностью. Преподаватели отмечают, что война в Украине не только привела к увеличению числа предлагаемых курсов по украинскому языку в целом по стране, но и способствовала общей тенденции к деколонизации курсов по русской литературе, истории и культуре. Однако, если в случае последних происходит смещение акцентов преподавания, то в отношении иностранных языков не все университеты могут позволить себе расширить выбор иностранных языков. Как правило, это достигается за счет адъюнкт-преподавателей, которым не гарантирован стабильный заработок. К тому же намного труднее найти квалифицированных носителей того или иного языка вдали от мегаполисов, а до 80% американских колледжей функционируют как кампусы, и лишь немногие из них расположены в черте города. В большинстве же случаев администрация вуза вынуждена ограничивать выбор языков, и в результате студенты идут на тот язык, который, по их мнению, потребует меньше усилий. Относительная легкость подталкивает выходцев из Ирана к изучению арабского, а датчан и голландцев – немецкого. В случае же с русским на постсоветском пространстве это не обязательно лингвистическая близость, а скорее схожесть культурного бэкграунда, основанная на совместном имперском прошлом, формирующая «языковой советский союз».

Это, по крайней мере частично, позволяет объяснить, почему русский потерял меньше студентов, по сравнению с другими языками. Уже упоминавшийся отчет MLA указывает, что общее число студентов, изучающих иностранные языки в американских вузах, в период с 2016 по 2021 упало на 16.%. Для русского эта цифра составила лишь 13.1%, в то время, как немецкий потерял 33.6%, французский - 23.1%, арабский - 27.4%, а китайский - 14.3% [14]. Помимо «языкового советского союза» и значительно большей распространенности русского как иностранного, по сравнению с языками бывших республик, исследователи указывают, что ухудшающиеся международные отношения с Россией и Китаем привлекают американских студентов к этим языкам. В этом нет ничего парадоксального, поскольку пиковые периоды в изучении русского языка в американских вузах последовали за Карибским кризисом 1962 года и распадом СССР в 1991.

В целом по США, лишь 11.4% университетов, принявших участие в опросе, указали что иностранный язык входит в числе обязательных предметов. При этом, из 171 университетов, в которых есть русские программы, 35.1% считают иностранный

язык обязательным. Таким образом, университеты с обязательным изучением иностранного языка в три раза чаще предлагают русский как иностранный, чем в среднем по стране.

Ключевую роль играет здесь консолидация языковых программ в сочетании с гибкостью и адаптивностью. Привлечение студентов осуществляется за счет онлайн-курсов, объединения программ с другими колледжами, интенсивных летних курсов, специальных курсов для эритажников, а также междисциплинарных программ, например, русского языка в сочетании с международными отношениями, кибербезопасностью, или бизнесом.

И тем не менее, обнадеживающих новостей довольно мало. После шока, связанного с уже упомянутой отменой всех языковых программ в Университете Западной Виргинии, продолжает поступать информация о закрытии все новых курсов и целых программ. Проводимые опросы не дают полной картины, поскольку не все вузы принимают в них участие, не желая афишировать свои текущие трудности. Из 226 вузов, так или иначе предлагавших русский, четверть никак не отреагировали на последний запрос, а из остальных 21 вуз объявил о закрытии русских программ до конца 2024. Пять программ закрылись только в 2024, еще семь ожидают закрытия в ближайших три года.

10. Заключение

Таким образом, растущий интерес к изучению иностранных языков на постсоветском пространстве не находит взаимности со стороны американских вузов, где владение иностранным языком по большей части воспринимается как факультативное. Здесь налицо две противоборствующие тенденции. С одной стороны, очевидно административное давление, ведущее к оптимизации предлагаемых курсов за счет сужения выбора и консолидации программ. С другой, налицо растущий интерес к менее распространенным языкам, связанный с геополитическими сдвигами и возникающими конфликтами. Таким образом, расширение кругозора студентов наталкивается на сужение возможностей вузов. Единственным компромиссом здесь видится уже упомянутый искусственный интеллект, который позволяет индивидуализировать изучение иностранного языка, создает обстановку максимального комфорта, снимает напряжение прямого общения с преподавателем и другими студентами. Это подтверждается популярностью таких программ по изучению иностранных языков, как DuoLingo, число пользователей которой продолжает неуклонно расти с момента ее появления на рынке в 2012 году. Каждый студент проводит много времени со смартфоном, и хотя использование голосовых функций может быть ограничено по ряду причин не только технического характера, устная коммуникация на иностранном языке в целом так же доступна, как и письменная. Доступность DuoLingo, Memrise, Babbel, и других онлайн-платформ, их гибкость и игровая форма обучения повышают мотивацию студентов. Безусловно, при этом теряется академическая глубина, живое общение и культурный контекст, но прогресс не стоит на месте, и будущее, очевидно, за гибридными формами обучения, сводящими воедино традиционное классное образование и цифровые платформы.

References:

1. <https://www.oecd.org/en/about/projects/future-of-education-and-skills-2030.html> (accessed February 20, 2025)
2. Пустовойт, И.В. *Категория лингвистической нечеткости и человеческое общение в цифровую эпоху*. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. Нур-Султан, Казахстан, 2019, 97-101.

3. <https://nscresearchcenter.org/> (accessed February 20, 2025)
4. <https://www.cnbc.com/2020/04/22/students-consider-starting-out-at-community-college-amid-coronavirus.html> (accessed February 20, 2025)
5. <https://www.axios.com/2023/08/30/west-virginia-university-foreign-language-classes> (accessed February 20, 2025)
6. <https://www.iie.org/publications/fall-2024-snapshot-on-international-educational-exchange/> (accessed February 20, 2025)
7. <https://research.collegeboard.org/trends/college-pricing/highlights> (accessed February 20, 2025)
8. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/08/06/most-european-students-are-learning-a-foreign-language-in-school-while-americans-lag/> (accessed February 20, 2025)
9. <https://2009-2017.state.gov/m/fsi/sls/orgoverview/languages/> (accessed February 20, 2025)
10. <https://www.mla.org/Resources/Guidelines-and-Data/Reports-and-Professional-Guidelines/Enrollments-in-Languages-Other-Than-English-in-United-States-Institutions-of-Higher-Education> (accessed February 20, 2025)
11. <https://www.mla.org/Resources/Guidelines-and-Data/Reports-and-Professional-Guidelines/Enrollments-in-Languages-Other-Than-English-in-United-States-Institutions-of-Higher-Education> (accessed February 20, 2025)
12. <https://clscholarship.org/languages> (accessed February 20, 2025)
13. <https://www.insidehighered.com/news/2022/09/15/enrollment-russian-drops> (accessed February 20, 2025)
14. <https://sras.org/educators/survey/2023-college-survey-of-enrollments-in-russian-language-classes/> (accessed February 20, 2025)

Information about the Author:

Pustovoit Igor V. (Hempstead, NY, USA) - Doctor of Arts, Professor of Russian Language and Literature at the Department of Comparative Literature, Languages, and Linguistics of Hofstra University. Spent twelve years at Kiev University prior to coming to the US in 1992. Research interests include cognitive linguistics, metaphor, formality, vagueness, linguistic identity, linguistic imperialism, as well as foreign-language methodology, and Russian as a foreign language. E-mail: Igor.V.Pustovoit@hofstra.edu Acknowledgements: The author is grateful to the reviewers Armen Tsaturyan, Doctor of Pedagogics, Professor, H. Tumanyan Vanadzor State University, Armenia Contribution of the author: The work is solely that of the author.

Acknowledgements: *The author would like to sincerely thank Prof. Turkan Olcay, Istanbul University, Istanbul, for her feedback and assistance on this paper.*

Author's contribution: *The work is solely that of the author.*